

Лу Хаожань тоже помрачнел. Он откинулся на спинку стула и, несмотря на то что сидел, его властный настрой ничуть не уступал стоящим.

— А что не так с электронной музыкой? Если не разбираешься, не болтай ерунды! — Про Чэ больше всего ненавидел, когда кто-то пытался судить об этом свысока.

Прежний владелец тела отказался от наследия своего клана ради увлечения электроникой — это был его личный выбор. В конце концов, любой инструмент, если им владеть в совершенстве, способен выражать чувства и потрясать души. Чистая классика — это одно наслаждение, электронная музыка — другое. Где здесь место для сравнений, кто лучше, а кто хуже?

Прежний хозяин был неправ, не взяв на себя ответственность за наследование Клана Фортепиано, но Про Чэ никогда не считал ошибкой стремление человека к тому, что ему по душе. И уж тем более он не признавал электронную музыку низкопробной. Конечно, пренебрежительное отношение предшественника к классике как к чему-то скучному тоже не красило его.

— Я не разбираюсь? — Лу Хаожань приподнял бровь и усмехнулся, словно заранее знал, что Про Чэ ответит именно так. — Чу Тянь, принеси мой эрху.

Сидевший за тем же столом Чу Тянь, которого Про Чэ еще не знал, потирая нос, подумал: похоже, молодой господин Лу решил поставить кого-то на место.

Цинь Циньюэ, глядя на многозначительную улыбку друга, почувствовал недоброе. Он не знал, как вмешаться, поэтому решил наблюдать со стороны. Какие бы фокусы ни выкидывал этот парень, он в любом случае будет защищать Про Чэ.

Чу Тяню даже не пришлось куда-то идти — чехол с инструментом уже передали в руки Лу Хаожаню. Слуги Клана Лю оказались весьма расторопны, ведь внимание всех присутствующих уже было приковано к ним.

На таких собраниях нередко бывало, что в разгар беседы у кого-то возникало вдохновение сыграть мелодию, так что никто не удивился. Все с любопытством наблюдали, что собирается делать Лу Хаожань.

Лу Хаожань подтянул струны эрху. Про Чэ не понимал, какая связь между игрой на эрху и знанием электроники, но в этом мире музыка стояла превыше всего. Прерывать человека, который собрался играть, — значит проявить неуважение, поэтому Про Чэ решил терпеливо дожидаться окончания выступления.

— Сссс... — раздался резкий, пронзительный звук, от которого по коже пробежали мурашки, а затем...

Черт возьми, как он это сделал?! Имитировать звучание электроники с помощью эрху?!

Весь зал был потрясен, а у Про Чэ от удивления даже округлились глаза.

Лишь Чу Тянь, заранее знавший о задумке, с ехидством наблюдал за редкими выражениями лиц обычно невозмутимых отпрысков великих кланов. Если бы об этом узнали желтые газетенки, это точно попало бы на первые полосы.

Чу Тянь и сам когда-то испытал подобный шок. Когда Лу Хаожань внезапно попросил его сыграть электронную музыку, а потом с безумным блеском в глазах заявил, что хочет имитировать ее на эрху, первой реакцией Чу Тяня было: неужели этот господин свихнулся? Но он не выдержал настойчивости Лу Хаожаня и в конце концов согласился. Кто бы мог подумать, что у того действительно получится.

Лу Хаожань был высокомерен, но имел на то все основания — никто не мог отрицать, что он гений.

Помимо Гу Чэня, которого называли величайшим талантом Клана Барабана за всю историю, он был первым среди молодежи, кто обрел свою Душу Циня.

Лу Хаожань не просто так преклонялся перед отцом Про Чэ, Чэн Шаном. Его Душа Циня была чем-то похожа на таковую у Чэн Шана. Хотя инструменты были совершенно разными, в их сути нашлось немало общего. Именно после концерта Чэн Шана и его наставлений Лу Хаожань осознал свою Душу Циня.

Душа Циня Чэн Шана заключалась в гибкости — его музыка могла воплотить в себе всё сущее. Душа Циня Лу Хаожаня — в имитации: он мог повторить на эрху любой звук, какой пожелает. Да и сам он был мастером маскировки. Например, его нынешний высокомерный вид — разве не хочется его проучить?

Лу Хаожань черпал вдохновение в наставлениях Чэн Шана. В его памяти тот остался очень мягким и терпеливым старшим, гораздо более надежным и чутким, чем те старики из его собственного клана, вечно твердящие непонятные и туманные истины. Поэтому он не понимал: имея такого отца, как Про Чэ мог быть таким неблагодарным?

Он не презирал электронную музыку, но искренне считал, что одержимость Про Чэ — это путь в никуда. Все вокруг были против, кто-то мягко, кто-то жестко, но Про Чэ упорствовал. Даже ему, постороннему человеку, было больно на это смотреть!

Разве Про Чэ не любил электронику за ее уникальность? Что ж, теперь, когда он исполнил электронный трек на эрху, какие еще оправдания найдутся у Про Чэ для самообмана?

Лу Хаожань играл страстную композицию, полностью растворившись в музыке. В этот момент

он словно стал другим человеком: его движения были такими яростными, будто он с силой колотил по клавишам, а не водил смычком по струнам эрху, требующим филигранного контроля силы и скорости.

В этот миг Про Чэ словно что-то уловил.

Мелодия оборвалась долгим, пронзительным звуком, возвращая ошеломленную толпу в реальность.

— Ну что, теперь скажешь, что я не разбираюсь в электронике? — В голосе Лу Хаожаня слышалась насмешка, которую Про Чэ, впрочем, был готов простить — в конце концов, доля правды в словах собеседника была. — На самом деле, это ты не понимаешь. Звуки, даже мелодии — это лишь форма. Важно не это...

— Важна суть! Хм, электронная музыка — это просто шум. Про Чэ, ты все еще пребываешь в иллюзиях? — В разговор вмешался уверенный женский голос. Это была Цзин Шуаньюэ, чья «звездная болезнь» была притчей во языцех.

— Я хотел сказать — душа. — Лу Хаожань с каменным лицом убрал эрху, совершенно не заботясь о том, чтобы проявить вежливость к Цзин Шуаньюэ. Откинувшись на спинку стула, он даже не посмотрел на нее, а лишь поманил пальцем Про Чэ: — Не слушай ее бред. Если ты окончательно свернешь не на ту дорожку, как я буду отчитываться перед дядей Чэном?

Крошечная симпатия, возникшая было к Лу Хаожаню, мгновенно улетучилась.

— Ха-ха, тебе не придется отчитываться.

Цинь Циньюэ, видя, что Лу Хаожань действовал из лучших побуждений, а отношение Про Чэ смягчилось, решил сгладить углы:

— Чэ-эр теперь стал разумнее. Если он и выберет неверный путь, это будет моей ответственностью. — Его слова прозвучали многозначительно, с двойным дном.

Про Чэ и остальные обменивались фразами, и никто не обращал внимания на Цзин Шуаньюэ. Она не выглядела смущенной — или, скорее, привыкла к такому. Каждый раз, когда она пыталась заговорить с Про Чэ, всё заканчивалось плохо. Раньше Про Чэ в ярости огрызался, а теперь просто игнорировал.

Раньше после такого приема Цзин Шуаньюэ отступала, чтобы не загонять человека в угол — даже кролик кусается, если его довести. Но в этот раз всё было иначе, ведь рядом был Цинь Циньюэ.

Цзин Шуаньюэ не просто так цеплялась к Про Чэ. Всем было известно, что фортепиано и

скрипка — инструменты с наилучшей сочетаемостью в восьми великих кланах. Если исполнители достаточно чувствуют друг друга, эффект от их дуэта превышает сумму слагаемых.

Когда Цзин Шуаньюэ и Про Чэ только начинали учиться, они играли вместе — тогда Про Чэ еще не сопротивлялся фортепиано. Система подготовки наследников в кланах была эффективной, и в юном возрасте их техника уже выделялась. Тот дуэт, пусть и немного наивный, намного превосходил сверстников, что тешило тщеславие Цзин Шуаньюэ.

Однако второго раза не случилось: «падение» Про Чэ сделало тот потрясающий дуэт лишь мимолетным видением.

Про Чэ забросил фортепиано, но Цзин Шуаньюэ ни на день не прекращала упражняться на скрипке. Какой бы ни была ее натура, нельзя было отрицать ее талант — в плане техники она была бесспорным лидером среди сверстников.

Ее техника славилась своей вычурностью. Любая сложность, любое требование — она справлялась со всем. Это была ее сильная сторона, но одновременно и слабость. Она слишком гналась за техникой, забывая о важности Души Циня.

Всё изменилось в прошлом году, когда появился Цинь Циньюэ — первый скрипач этого поколения, пробудивший Душу Циня. Хотя он был значительно старше Цзин Шуаньюэ, в глазах Клана Цзин это стало пощечиной их клану скрипачей. После соревнований Цзин Шуаньюэ легко симитировала его композицию Поиск, но без вложенной Души Циня ее игра осталась лишь пустой оболочкой — красивой, но бессодержательной.

Не сумев подавить его мастерством, Клан Цзин придумал новый ход: забрать Цинь Циньюэ в свою семью. Клан скрипачей не придавал такого значения наставничеству, как кланы эрху или гуциня, поэтому под «принятием в семью» подразумевался брак. Клан Цзин, помешанный на чистоте крови, считал, что дети от такого талантливого человека, как Цинь Циньюэ, точно будут одаренными.

А хотел ли сам Цинь Циньюэ этого? Да как он мог не хотеть! Это же великий клан — недостижимая вершина для простолюдина. Должно быть, он был на седьмом небе от счастья.

Про Чэ изначально думал, что если будет защищать Цинь Циньюэ, то Цзин Шуаньюэ не станет действовать слишком нагло. Но он не учел, что логика людей с завышенным самомнением непостижима.

Увидев, что Цзин Шуаньюэ направляется к ним, Про Чэ почувствовал недоброе. А когда она невозмутимо села между Чу Тянем и Цинь Циньюэ, это предчувствие стало почти осязаемым.

— Сегодня Цинь Циньюэ поедет со мной в Клан Цзин, — отрывисто произнесла она, даже не глядя на самого Цинь Циньюэ. Она смотрела только на Про Чэ, словно не считала Цинь

Цинъюэ достойным права голоса. И чтобы убедить Про Чэ, добавила: — Я уже договорилась с главой Клана Чэн.

Цинь Цинъюэ приподнял бровь, внутри него закипал гнев. Теперь он понял, почему даже такой человек, как Гу Чэнь, не переваривал Цзин Шуанъюэ. Однако он не стал действовать сгоряча, а посмотрел на Про Чэ. Ему было интересно, что предпримет «молодой господин». Он верил в своего Чэ-эра и знал, что тот его не разочарует.

— Я не позволю, и не думаю, что мой отец согласился бы, — Про Чэ под столом крепко сжал руку Цинь Цинъюэ. Он не игнорировал мнение возлюбленного, но опыт подсказывал: с людьми из Клана Цзин иначе нельзя. Сказать ей, что Цинь Цинъюэ не хочет — значит потратить слова впустую.

— Глава Клана Чэн сказал, что всё зависит от желания самого Цинь Цинъюэ, — повторила Цзин Шуанъюэ слова Чэн Шана. Но для нее это ничего не значило: разве у Цинь Цинъюэ могло быть другое желание? Да и какое он имел право его иметь?

Видите? Логику людей из Клана Цзин не понять тем, кто от них пострадал.

Про Чэ очень хотелось закатить глаза, но вместо этого он просто встал и увел Цинь Цинъюэ. Если собака тебя укусила, ты не станешь кусать ее в ответ — лучше просто держаться подальше.

Цинь Цинъюэ был рад возможности побыть с Про Чэ наедине. Конечно, главной причиной ухода было то, что он пока не мог открыто противостоять Клану Цзин. Его нынешнего статуса чемпиона мирового конкурса хватало лишь на то, чтобы его не принуждали силой, но не для того, чтобы тягаться с кланом.

Он мягко улыбался Про Чэ, хотя в глубине души зрел холодный расчет. Нужно копить силы — не только против Клана Цзин, но и против Клана Чэн, чтобы однажды быть с Про Чэ по праву.

Про Чэ сейчас об этом не думал. В прошлой жизни они были свободны, и единственным препятствием была общественность. Он не задумывался, позволят ли кланы им быть вместе. В его памяти родители были заняты, но, кроме музыки, во всем остальном потакали ему. Особенно Чэн Шан — он никогда не говорил ему ни в чем «нет».

Поэтому Про Чэ не видел преград. Для него главным вопросом было желание самого Цинь Цинъюэ, а теперь, когда их чувства взаимны, что могло им помешать?

Когда они ушли, за столом остались только Лу Хаожань, Чу Тянь и Цзин Шуанъюэ. И вскоре Чу Тянь и Цзин Шуанъюэ снова сцепились. Причина была всё та же — госпожа Цзин снова начала капризничать.

Чу Тянь не был выходцем из великого клана, но его семья обладала немалым влиянием, просто у них не было фамильного инструмента. В глазах Цзин Шуаньюэ он был муравьем, а то, что он играл на электронике, окончательно опустило его в ее глазах на самое дно.

Чу Тянь обычно был легкомысленным парнем, но даже у терпеливого человека есть предел. Разъяренный, он велел принести свой инструмент — он тоже решил поставить ее на место.

Когда Про Чэ и Цинь Циньюэ заметили, что происходит, Чу Тянь уже начал играть. Цинь Циньюэ нахмурился, но, что-то поняв, расслабился.

— Циньюэ, ты знаком с ним? — Про Чэ был полон любопытства.

— Да, мой друг Чу Тянь. Он тоже любит электронную музыку, но куда успешнее тебя. Слушай внимательно, судя по его уверенности, он тоже пробудил Душу Циня.

Эй! Душа Циня в электронной музыке?! Про Чэ широко открыл глаза — такого он еще не видел.

Душа Циня Чу Тяня была такой же, как он сам — необузданной. Электронная музыка, наполненная ею, ничем не уступала классике, а по силе воздействия даже превосходила ее.

Цзин Шуаньюэ побледнела и поспешно ушла, не дослушав. Когда она насмеялась над ним, все слышали. А теперь оказалось, что он гений, пробудивший Душу Циня, в то время как сама она даже не приблизилась к этому порогу. Без Души Циня она не могла считаться первоклассным музыкантом.

Когда Чу Тянь закончил, на него смотрели уже совсем иначе. Но Цинь Циньюэ заметил, что Про Чэ ведет себя странно.

Про Чэ видел немало Душ Циня — Чу Тянь был седьмым.

Вкладывать Душу Циня в музыку — дело утомительное, поэтому даже мастера редко делали это, если не было особого повода.

— Динь. Появилось задание. Принять? Да/Нет. Если не выберете до конца отсчета, задание будет принято автоматически. 10, 9, 8... 1, 0. Время вышло, Хозяин принял задание.

Про Чэ не слышал системных уведомлений — он был поглощен мыслями.

Задание: Подружиться с Чу Тянем. Время: до полуночи. Сложность: средняя. Награда: 100 очков.

В его голове проносились все виденные им Души Циня.

Отец — гибкость, воплощение всего сущего.

Мать — сталь, звон оружия.

Дядя — мягкость, капли дождя.

Возлюбленный — нежность, скрывающая нестигаемую волю.

Про Чэ спрашивал себя: что такое Душа Циня? Это характер, воля и сущность исполнителя.

А кто я такой? — спросил он себя.

В углу зала стояло фортепиано. Про Чэ, не обращая внимания на окружающих, подошел к нему. Люди, собравшиеся вокруг Чу Тяня, невольно притихли. Неужели сегодня появится третий гений?

<http://bllate.org/book/21663/2235260>